ДЕНЬ ЛИТЕРАТУРЫ

ГАЗЕТА РУССКИХ ПИСАТЕЛЕЙ

ДЕКАБРЬ 2015 г. ● № 12 (230) ЦЕНА ДОГОВОРНАЯ

Издается редакцией и Союзом писателей России

Владимир Бондаренко, Вячеслав Ложко, Игорь Янин, Виктор Линник (Крым, Коктебель, 2011)

Владимир БОНДАРЕНКО

РУССКАЯ ПАМЯТЬ КРЫМА

Когда американский вице-президент Джо Байден говорит об оккупации Крыма русскими, я поражаюсь его невежеству. Можно спорить, насколько элегантно был Крым возвращён России, но непонятно, кого же оккупировали русские в Крыму? Поговорим хотя бы о культуре. Может быть, кто-то из украинских знатоков скажет, какие памятники украинской культуры есть в Крыму, какие знаменитые писатели, художники, артисты Украины его посещали, его воспевали? А вот о русских гениях в Крыму написано уже множество книг. И вновь сегодня эта тема стала злободневной. Возьмём хотя бы русских писателей и поэтов, посетивших Коктебель в XX веке. Коктебель, который в течение всего последнего столетия был одним из главных центров всероссийской культуры.

Совсем недавно, в 2015 году, вышла в Симферополе книга известного коктебельского писателя и поэта Вячеслава Ложко "Серебряная память Коктебеля". Её бы надо было подарить Байдену, дабы он ознакомился с историей русского Крыма. Какая славная в Коктебеле оказалась компания русских "оккупантов": Максимилиан Волошин, Николай Гумилёв, Андрей Белый, Осип Мандельштам, Алексей Толстой, Максим Горький, художники Иван Айвазовский, Константин Богаевский, Викентий Вересаев, Михаил Булгаков, Александр Грин, Валерий Брюсов, Марина Цветаева, Илья Эренбург и многие другие. Будь они украинцами, я представляю, какой бы ор устроили не только Байдены и Порошенки, но и наша либеральная интеллигенция, ныне так осуждающая "русскую оккупацию Крыма". Вот Вячеслав Ложко, хранитель коктебельской культуры, и описал подробнейшим образом многолетнюю вековую "оккупацию" Коктебеля блестящими представителями великой русской культуры. И хоть бы один известный незалежный письменник в эти славные ряды затесался… Впрочем, никто из русских гениев, ни в прошлом веке, ни сейчас, не отделял, не обосабливал себя от столь родных нам украинцев. Представляю, как бы описал киевлянин Михаил Булгаков нынешние кривляния и наших либералов, и киевских письменников – полистайте "Белую гвардию" для примера.

Парадокс заключается ещё и в том, что в шестидесятые-восьмидесятые годы и все славные русские писатели-либералы постоянно, годами "оккупировали" всё тот же Крым и Коктебель; кого я только ни встречал в нашем Доме творчества: Андрея Битова и Василия Аксёнова, Александра Борщаговского и Беллу Ахмадулину, Фазиля Искандера и Евгения Попова… Те ещё были русские "оккупанты" – терзали годами несчастную украинскую крымскую землю.

Думаю, Вячеславу Ложко предстоит ещё большая работа по написанию нового тома "Серебряной памяти Коктебеля", куда бы вошли уже все ему знакомые писатели второй половины XX века. Наверняка, войдёт туда отдельной главой и коктебельская история Иосифа Бродского, для которого эта крымская земля была одной из самых дорогих и значимых для его творчества. По сути, Коктебель был для Иосифа идеальной имперской "глухой провинцией у моря". Тут тебе и остатки античности его любимой Римской империи, тут и древние скифы, и так называемая "любимая песочница советской империи". Всё сразу. В такой атмосфере и стихи писались легко. В стихотворении, посвящённом коктебельской художнице Наталье Северцовой, он пишет:

Не рыдай, что будущего нет.
Это – тоже в перечне примет
Места, именуемого Раем…

Ни много ни мало, но именно русским Раем был для русских писателей XX века родной им Коктебель.

Стоит на набережной Коктебеля памятник Максу Волошину, Вячеслав Ложко добился недавно и памятника Николаю Гумилёву, пора бы уже заняться памятником Иосифу Бродскому, ещё одному славному русскому "оккупанту"…

Книга "Серебряная память Коктебеля" – это не просто книга очерков о великих деятелях русской культуры, посетивших в те или иные годы Коктебель, это вбитый навечно в основание русского Крыма символический русский столб.

Электролинии Крыма – это очень важно и хорошо, но жаль, что наш президент не посетил тот же Коктебель, не приложился к памятникам русских гениев, не побывал в музеях Грина и Волошина. Электролинии, как мы знаем, можно и взорвать нашим врагам, а вот память о великой русской культуре, строфы из стихов Волошина и Гумилёва, Цветаевой и Бродского, "Алые паруса" Александра Грина никуда не выкинешь, пока жива Россия. Бывал в Коктебеле и наш русский музыкальный гений Георгий Свиридов, – "оккупировавший" его своей изумительной музыкой, – столетие со дня рождения которого в декабре 2015 года отмечает весь культурный мир планеты.

Вячеслав Ложко и сам уже – один из символов русского Коктебеля, многим памятны его строки:

Я пью божественный напиток,
Коньяк с названьем "Коктебель"…

А гуляя по коктебельским улицам имени Гумилёва, Волошина, Грина, Северянина, Цветаевой и других писателей, многие вспоминают, что и эти поэтические названия улицам пробил в поселковом совете всё тот же Вячеслав Ложко. Знают все коктебельцы России и музыкально-литературный салон Ложко, где в последние десятилетия проводили свои творческие вечера Георгий Поженян и Виктор Пронин, Андрей Битов и Наталья Медведева, Валерий Ганичев и Игорь Янин, был там и мой творческий вечер. За последние годы Вячеслав Ложко организовал федеральную литературную премию имени Николая Гумилёва, каждый год на Гумилёвские чтения приезжают лучшие писатели России… И его знаковая книга "Серебряная память Коктебеля", вышедшая в знаковый для всей России и для Крыма год присоединения к России, уже не даст нам забыть славные традиции русской литературы.

В книге собраны очерки об Андрее Белом – "Пленный дух", о Валерии Брюсове – "Бесстрастный мастер", о Михаиле Булгакове – "И блажен будешь", о Викентии Вересаеве – "Смелость быть собой", о Максимилиане Волошине – "Скиталец, познающий мир", о Максиме Горьком – "Великий Буревестник", об Александре Грине – "Мир сказочных грёз", о Николае Гумилёве – "Святая честь поэта", об Осипе Мандельштаме – "Всё движется любовью", об Алексее Толстом – "Отечества кровный сын", и наконец о Марине Цветаевой – "Одиночества верховный час".

Неплохие подобрались русские "оккупанты", захватившие русский Крым ещё в начале XX века. А какие они оставили после себя строчки о Коктебеле, их никак не вместишь в украинскую культуру, при всём уважении к ней. Вот, к примеру, коктебельский Осип Мандельштам:

Золотое руно, где же ты, золотое руно?
Всю дорогу шумели морские, тяжёлые волны,
И, покинув корабль, натрудивший в морях полотно,
Одиссей возвратился,
пространством и временем полный…

Вот так же полон пространством и временем наш русский Крым. И никто уже никогда не извлечёт из русской поэзии и из русского Коктебеля ни самого Макса Волошина, ни его изумительные стихи, ни его могилу на горе Кучук-Енишар, возвышающуюся над всем Коктебелем, откуда открывается панорама "Страны синих скал". Сам прах Волошина в Коктебеле, прах Александра Грина в Старом Крыму не дали Крыму стать украинским. Как писал Волошин:

Старинным золотом и желчью напитал
Вечерний свет холмы. Зардели, красны, буры,
Клоки косматых трав, как пряди рыжей шкуры,
В огне кустарники и воды, как металл…

Эти стихи русских поэтов помогали и "вежливым людям" провести абсолютно мирное присоединение Крыма к России. Очерки Вячеслава Ложко о коктебельской русской культуре помогают и сегодня крымчанам преодолеть все тяжести блокады. В полной темноте в лишённой света Феодосии звучали по вечерам чудные киммерийские строчки, помогая выжить:

Гаснут во времени, тонут в пространстве
Мысли, событья, мечты, корабли…
Я ж уношу в своё странствие странствий
Лучшее из наваждений земли…

Эти русские стихи не оторвать от Коктебеля, этот Коктебель не оторвать от этих дивных строк. Как вспоминал Всеволод Рождественский о возвращении в Россию, в Коктебель Андрея Белого: "он вулканически переживал радость возвращения под небо родной культуры" – в Россию, в Коктебель, и просто "зримо отрясал прах гнилой западной цивилизации", вот так и мы отрясаем ныне Крым от следов чужого русской культуре вторжения…

Как пишет Вячеслав Ложко: "все они остаются и навсегда останутся в памяти Коктебеля – Коктебеля Серебряного века, Коктебеля нынешнего, Коктебеля будущего. Их имена всегда будут его вечной, серебряной памятью…". А его книга о великих русских поэтах и писателях станет навсегда частью русской памяти Крыма.

Русский Коктебель и сейчас продолжает писать свою творческую историю.

К итогам Года литературы

Духовное зерно

Александр БОБРОВ

Мой собрат по поколению и песне, полковник-афганец Виктор Верстаков, осевший ныне безвылазно в тверской деревне, написал среди вековых просторов:

События и лица – они придут потом.
История творится за письменным столом.
Сначала было Слово, его сказал Господь.
Духовные основы преобразили плоть.
Восстания, невзгоды, смирение, война –
последствия и всходы духовного зерна.

Извлечение духовного зерна, постижение первопричин и последствий – это и есть миссия словесности, которой государство обещало помочь в официально объявленном Году литературы. Получилось ли это в полной мере? Ответ мой скорее отрицательный, несмотря на отдельные яркие события и достижения.

"Возвысить общество до своего идеала" – такой высшей цели, по словам Некрасова, сегодня литература и ставить не может, поскольку Россия – Третий Рим, родина социализма, держава – победитель фашизма впервые за многие последние века официально не имеет идеологии! В литературной среде широко бытует мнение, которое я разделяю: русская литература во всём своём объёме и высших достижениях – и есть национальная идея России.

Правда, и тут индивидуальная мысль работает. Так, ярчайшим выразителем современного осмысления национальной идеи стал не очередной доктор устаревших наук, а подлинно стихийный философ Александр Молотков. Александр Евгеньевич живёт себе тихо в деревне под Великими Луками, изредка публикуется. Но если уж вынес суждения на публику – они у него выношены и выстроены. В частности, пример целостной и современной книги – монография Молоткова "Миссия России. Православие и социализм в XXI веке" *(СПб.: "Русский остров")*. Касается он в ней и самого больного вопроса нынешней России, которая лишена идеологии по танковой Конституции: "Отрицать идеологию как таковую (как социальное зло) – значит отрицать государство как форму национально-исторической самоорганизации общества; что само по себе может иметь место в рамках либерализма или в контексте разрушения "тоталитарного строя", но что совершенно неприложимо к задаче национального возрождения… Это не проблема идеологии как таковой, а, скорее, проблема греховности человеческого сознания и тех злонамеренных сил, которые манипулируют этим сознанием в своих интересах". Точнее не скажешь. Неужели наши государственники от президента Владимира Путина до участников парадных ток-шоу не понимают азбучных истин, открывающихся в псковской глубинке Молоткову? Или как раз и устраивает манипулирование сознанием в своих интересах? Конечно, противостоять этим псевдопатриотическим кривляниям и умелым манипуляциям сегодня может только честное Слово русского писателя. Потому и не было особой надежды на широко объявленный Год литературы с открытием и фуршетом в МХТ Олега Табакова. У меня есть выразительная фотография, как худрук театра, где уродуют классику, и шоумен Фоменко беседуют с президентом. Неужели о литературе? В этом уже таился фальстарт…

* * *

Рождённый под декабрьского Николу гениальный поэт и редактор Николай Некрасов писал: "Литература не должна наклоняться в уровень с обществом в его тёмных или сомнительных явлениях. Во что бы то ни стало, при каких бы обстоятельствах ни было, она не должна ни на шаг не отступать от своей цели – возвысить общество до своего идеала, – идеала добра, света и истины!". Официальные СМИ и политические структуры стараются изо всех сил показать парадный фасад современной России наподобие телестудии, где царит Вл. Соловьёв в бархатном френче – только Украина с Турцией красоте мешают. Подлинная журналистика призвана показать внутреннее устройство громадного здания, а вместе с российской литературой – населить людьми, голосами, сутью отношений и смыслами существования. Объявленный президентом Путиным Год литературы, казалось бы, должен был сделать это здание более человечным и пригодным для жизни, всколыхнуть писательскую и преподавательскую общественность, заставить всех обитателей чаще обращаться к классике и современной литературе, чтобы в такое тревожное время опереться на лучшие её традиции, воспитывать во всех коридорах власти и уголках обитания – патриотизм, а не выстуживать наш дом пустыми словесами, "не наклоняться в уровень с обществом в его тёмных или сомнительных явлениях". Недавно ушедший Валентин Распутин писал: "Мы, к сожалению, неверно понимаем воспитание патриотизма, принимая его иной раз за идеологическую приставку. От речей на политическом митинге, даже самых правильных, это чувство не может быть прочным, а вот от *народной песни*, от *Пушкина* и *Тютчева, Достоевского* и *Шмелёв* и в засушенной душе способны появиться благодатно-благодарные ростки. РОДИНА ПРЕЖДЕ ВСЕГО – ДУХОВНАЯ ЗЕМЛЯ, в которой соединяются прошлое и будущее твоего народа, а уж потом "территория". Слишком многое в этом звуке!..". Духовная земля не всегда совпадает с реальной Россией, но и не является её антиподом, тёмной изнанкой. Характерная фраза прозвучала в непрерывно повторявшемся анонсе на Первом к фильму "Петля Нестерова" о кознях власти и КГБ в начале 80-х: "Кирилл узнаёт изнанку внешне благополучной Родины". Сказано коряво, но прямо! Вот и обращаясь к лауреатам только что вручённой премии "Большая книга", видишь, что больше всего приветствуется отражение этой самой изнанки.

Председатель Совета попечителей премии "Большая книга", 1-ый заместитель руководителя Совета начальников Альфа-банка Олег Сысуев (бывший вице-премьер, помните?) не с того начал: "Хочу заявить: рука дающего не оскудеет, мы это обещаем снова". Банк гордится не реальными плодами, а тем, что "больше получают только владельцы Нобелевки". Премиальный фонд премии "Большая книга" составляет 6,1 млн. рублей. Ну и что? – разве размер Нобелевской премии спас её от литературного позора награждения зашоренной журналистки Светланы Алексиевич? Она, кстати, в прошлом году и на "Большой премии" была награждена. Тут уж стереотип выработался: показать изнанку любой ценой!

Первая награда – три млн. рублей – на этот раз предсказуемо досталась Гузели Яхиной. Жюри национальной литературной премии, состоящее по списку якобы из более чем сотни экспертов, в этом году присудило победу дебютантке, которая учится в Школе кино. Её роман "Зулейха открывает глаза" считался бесспорным фаворитом (недаром Улицкая предисловие написала!), Яхина уже получила премию "Ясная Поляна" из рук министра культуры Мединского: идеальный вариант – русскоязычный и молодой писатель из республики, который умеет занимательно писать и клеймит проклятое прошлое!

Вот как в "Литературной газете" образно пересказал Александр Трапезников суть романа на полтыщи страниц: "Жила-была в маленьком татарском селении униженная мужем и свекровью несчастная неграмотная Зулейха. В тридцатом году пришли красные варвары и стали всех подряд раскулачивать. Руководил ими, понятное дело, чужак Иван Игнатов. Мужа при этом нечаянно застрелил. Не хотел, время такое. Беременную Зулейху, пока ещё с широко закрытыми глазами, отправил с сотнями других переселенцев в Сибирь. Сам тоже в теплушке туда же комендантом поехал. Путь длинный, месяца три с гаком. Зулейха в дороге впервые увидела карту Советского Союза, показавшуюся ей "беременным слизнем с бычьей кровью". Это к тому, что страна мерзкая. А впереди ждёт её вообще "адский заповедник, придуманный одним из величайших злодеев человечества" (цитата Улицкой из предисловия). На Ангаре баржа в непогоду затонула, унеся на дно три сотни человек, на берег в тайгу выбрались только тридцать. В основном ленинградские интеллигенты, троцкисты, парочка аристократов, несколько крестьян, один подлый уголовник, один психически больной дореволюционный врач-профессор и сам Игнатов с револьвером".

Уже один этот зачин сулит полное признание – Улицкая абы кому не напишет предисловие. Она ведь и не вспомнит, что выходила сильнейшая историческая хроника Василия Белова о трагедии раскулачивания: "Кануны", "Год великого перелома", "Час шестый" – последний роман-хроника 1932 года повествовал о разорении трудового российского крестьянства. Василий Иванович не случайно выбрал названием для изображения страшной трагедии именно "Час шестый", то есть, по Библии, время распятия самого Иисуса Христа.

(окончание на стр.3)

"Есть восход и закат..."

Владимир КРУПИН

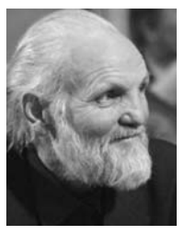
Нет востока и запада нет.
Есть восход и закат…
Олжас Сулейменов

Моё первое знакомство с Олжасом Сулейменовым было кратким, и вряд ли он тогда меня запомнил. Это 1969-й год, гостиница "Россия". Мы приехали с Борисом Ряховским, который заведовал отделом литературы в очень тогда известном журнале "Сельская молодёжь". Название вроде негромкое, но тираж далеко за миллион экземпляров, печатались в нём и известные писатели и литературный молодняк. Борис был знаком с Сулейменовым, называл его Олжик, поехал к нему просить новых стихов для журнала. Позвал меня с собой. По дороге говорил, что вдруг да Олжас зазнался, уж очень резко он стал широко известным. Настолько, что везде о нём говорили.

Нынешним молодым невозможно представить размах его легендарной знаменитости. Шестидесятники: Вознесенский, Евтушенко, Окуджава, Рождественский, Ахмадулина сразу потеснились, когда в советскую поэзию вошёл этот богатырь, сын казахского народа. Потеснились, думая, что он войдёт в их ряды. Нет, он стал не один из них, а сам по себе.

Было в нём, в его облике и в его стихах не просто что-то восточное, особое, но и главное в мужчине – мужество. Это ощущалось и в крепком пожатии сильной руки, и во взгляде из-под бровей, которые очень напоминали размах соколиных крыльев, и сам взгляд был одновременно и пристальным и доброжелательным. Но и, скажу сразу, затаённым. Этот человек знал себе цену и приготовленные мною добрые слова о его "Глиняной книге" не были произнесены, он в них не нуждался.

Степь. Неуютно в степи человеку, выросшему среди лесов. Не спрячешься. Но мне повезло в том смысле, что первый раз увидел степь во время её весеннего цветения. Степь прекрасна! Полита алой кровью цветущих маков, озвучена криками птиц, оживлена их полётом. Но и в другое время степь впечатляет величиной и мощью. Летом, когда ветер несёт пыль, и травы клонятся и выпрямляются, напоминая морские волны. И осенью со своим перегоревшим золотом растительности. И в зимние холода, когда все названия: метель, вьюга, буран, пурга соединяются в ураганной стихии взметённых сухих снегов.



И эту степь, её первозданность, первобытность калечили в пятидесятые годы, когда сумасбродство Хрущёва заставляло выращивать кукурузу за Полярным кругом, когда по пьянке дарился Крым, когда выпахивался травяной покров и земля потом выветривалась пыльными бурями. Называлось: подъём целины. И мои земляки, бросая родные поля России, ехали в Казахстан. И ему счастья не принесли, и свой край обезлюдили и обездолили. Но как подманивали – давали паспорта колхозникам, превращая их в совхозников – рабочих на земле. Многие ли знают, что ВКПб объяснялось так: второе крепостное право большевиков. Да, это я слышал в детстве. Говорилось открыто. Безправными были, но смелыми.

Теперешнее задичание русских полей, умирающие деревни – это как раз следствие той целины. А каково было казахам при их трепетном отношении к земле, когда с неё, как с живой, сдирали кожу?

Было в этом движении русских на восток что-то мистическое. Может быть, отголоски давнего нашествия тюрков с востока на запад. Ни они нам, ни мы им счастья не принесли. И жизненный подвиг Олжаса Сулейменова представляется мне в попытке соединения двух величайших цивилизаций, славянской и тюркской в общем противостоянии мировому злу.

И здесь мы не делимся на религии, языки, обычаи, здесь любовь противостоит злу. Любовь к родине – в этом всё дело. Она ненавистна врагам нашего спасения. Им всё равно, где жить, лишь бы жить сыто. И доказать это можно именно на примере поэзии Олжаса Сулейменова и его современников, уже упомянутых. Он не унижался до обслуживания идеологии. Воспеть подвиг Гагарина – это вырвалось из сердца: "Земля, поклонись человеку!". И совсем не за ожидание премии слагались чёткие, хлёсткие строки, это был восторг перед гением человеческой мысли, прорыв к возможностям нового миропонимания. Но и понимание того, что ничто не может опровергнуть ценность, достигнутую народами, выстраданную в поворотах истории, это сила родной земли, к которой припадали богатыри, уставая в битвах. Это есть и в русском и в казахском эпосах.

Надвигалось столетие "вождя всех времён и народов", как именовали Ульянова (Ленина). И что? Олжас почтил юбилей стихами? Воспользовался реальной возможностью получить Ленинскую премию? Стал обцеловывать мавзолей и считать шаги к нему, как Рождественский, или взахлеб воспевать дополнительный том собрания сочинений вождя, как Коротич, славить бунт студенческой шпаны в Казани, как Евтушенко, или уж совсем взахлёб, почти со слезами, требовать убрать профиль вождя с государственных ассигнаций, которыми как раз неплохо платили за призыв к их замене, как Вознесенский? Нет, ни в том, ни в другом, ни в третьем, ни в четвёртом Олжас Омарович замечен не был. А их что, разве под пистолетом вели к письменному столу, сами выслуживались.

Заметим, правды ради, что и у Сулейменова есть написанное о Ленине, за которое он награждён не был. Речь о стихах "От января до апреля", но строки из них официальная критика будто и не читала. Между тем они и сейчас останавливают своей смелостью и независимостью от идеологии:

Его таким нарисовал Андреев,
его один бы Бог не сотворил.
Арийцы принимали за еврея
его, когда с трибуны говорил.
Он знал, он видел, оставляя нас,
что мир курчавится,
картавит и смуглеет…
Он, гладкое поглаживая темя,
смеётся хитро, щуря глаз калмыцкий.
Разрез косой ему прибавил зренья,
он видел человечество евреев.

Ну, а наши, вышеназванные поэты, лишенные признаков национальности, делали погоду в советской литературе, глядели на неё, как на средство известности и прожиточного максимума. Очень неплохого. А о чём писать, им было безразлично, лишь бы держаться на плаву. Лишь бы обслужить тех, от кого зависели звания, издания, ордена, премии. Их предшественники браво писали: "Пойдёт вода Кубань-реки, куда велят большевики". Или: "Человек сказал Днепру: "Я тебя стеной запру". Можно, вспомнив Маяковского, назвать их "флюгерами". Ярый безбожник, неопрятный нравственно, он написал о таких поэтах точно: "Лицом к деревне – заданье дано. За гусли, поэты-други! Поймите: лицо у меня одно, оно лицо, а не флюгер".

Видимо, они не понимали, что поэзия, чтобы стать интернациональной, обязана быть вначале национальной. Как поэзия Сулейменова.

А что касается отношений власти и поэта, вспомним выражение: каждому Цезарю приличен свой Гораций. Михаил Ломоносов, Тредиаковский, Сумароков, Державин, Пушкин, Тютчев – вот какие Горации были у Петра Первого, Екатерины Великой, Павла, Николая Первого. А Андропову, Горбачёву, Ельцину не повезло, им досталась вот эта, почти ливерпульская, четвёрка. От того, может, и руководителями они оказались очень управляемыми со стороны.

Так и в поэзии эта проворная четвёрка перешла дорогу замечательным русским поэтам, которых власти не замечали: Николая Рубцова, Владимира Соколова, Владислава Артёмова, Михаила Анищенко, Анатолия Передреева, Глеба Горбовского, Юрия Кузнецова, Анатолия Гребнева, Светлану Сырневу, Диану Кан, Евгения Чепурных, многих других. Русские нивы плодоносны на словесные урожаи, ибо они засеяны классиками.

По своим душевным качествам Олжас Сулейменов принадлежал к могучей кучке национальных поэтов: Кайсына Кулиева, Расула Гамзатова, Мустая Карима, Давида Кугульдинова, Семёна Данилова, других.

(окончание на стр.3)